

Трое суток спустя Император скончался, и вся страна погрузилась в траур.

Третий сын покойного императора, Цзин Яо, взошел на престол, изменив девиз правления на Юнь.

Седьмой сын покойного императора, Цзин Юнь, месяц с лишним нес стражу у гроба, после чего была обнародована посмертная воля покойного государя.

Отец, в конце концов ты ушел. Теперь вы с матушкой под землей, и должно быть, обрели долгожданное счастье.

Цзин Юнь стоял в тронном зале, потупив взор и сосредоточившись на внутреннем созерцании. Он чувствовал себя донельзя чуждым этому месту, но пути назад не было. Оглашение посмертного императорского указа требовало присутствия всех наследников. Однако от бывшего императорского рода Цзинсю остались лишь он сам да Цзин Яо. Остальные братья либо умерли в раннем детстве, либо погибли в результате несчастных случаев позже, и теперь их уже не было в живых.

По воле Небес, император издает указ: Седьмой принц Цзин Юнь отличается выдающимися талантами, искусен как в гражданских делах, так и в военном деле. Сим назначается великим маршалом-главнокомандующим пограничными войсками, жалуются титул князя Юнь, с немедленным отъездом к месту службы. Исполнять!

Отец прекрасно знал, что у него нет никаких склонностей к государственным делам, так почему же он упорно желал втянуть его в эту бездонную пропасть?

Цзин Юнь поднял взгляд на вольготно расположившегося на троне мужчину. Тот, казалось, с самого начала знал, что все так и будет, и выглядел на редкость невозмутимым — будто потеря военного командования не стоила и выеденного яйца.

Словно заметив его взгляд, восседавший на троне государь посмотрел в ответ, и в его глазах играла легкая улыбка.

— Седьмой брат, что ты думаешь об этом?

Кто-то другой мог бы счесть это за угрозу, но Цзин Юнь знал: тому и впрямь было совершенно все равно.

— Прошу прощения у младшего брата за бессилие, я не в силах вынести столь тяжелое бремя.

Услышав это, Цзин Яо рассмеялся еще веселее. Внезапно улыбка исчезла с его лица, сменившись суровым выражением.

— Разве ты не знаешь, что неповиновение императорскому указу — преступление, караемое смертной казнью? Даже будучи членом императорской семьи, тюремного заключения тебе не избежать.

Цзин Юнь бесстрашно усмехнулся, сохраняя полнейшее спокойствие.

— Младший брат действительно бессилен.

Этот отказ прозвучал окончательно и бесповоротно.

Лицо Цзин Яо помрачнело, его до крайности разозлила подобная несговорчивость.

— Тогда не вини Меня в том, что Я забываю о родственных узах! Стража, взять его!

Охрана не смела медлить и поспешно скрутила Цзин Юня, уведя его прочь и оставив замерших в тревоге сановников в гулком зале.

Новый император взошел на престол — и первой же жертвой выбрал собственного родного брата. Разве это не леденит душу? Похоже, слухи о жестокости нового правителя возникли вовсе не на пустом месте.

Цзин Юнь прислонился к стене в углу камеры и тихо сидел там. Даже оказавшись в заточении, он не утратил своего несравненного облика бессмертного из легенд, отчего казался лишь еще более призрачным и ускользающим.

Стражники у входа в темницу лишь вздыхали, пораженные его красотой, но приблизиться не смели.

Его Величество уже отдал приказ: к этому высокопоставленному узнику в темнице относиться с наилучшими угощениями и изысканными винами, не допуская ни малейшей оплошности. Иначе — не сносить головы.

С давних времен правители бесчувственны, и места для родных братьев среди них не находится. Кто бы мог подумать, что даже этот подобный небожителю человек не сможет вырваться из мирских оков?

Ночное дежурство выдалось на редкость скучным, и тюремщик, приложившись к доброму вину, что принес в дар молодой евнух, почувствовал неодолимую дремоту и попросту уткнулся лицом в стол, заснув мертвецким сном.

В этот самый момент кто-то украдкой проскользнул в темницу, стараясь обходить стороной спящего стражника, и быстрым шагом принялся что-то выискивать.

— Седьмой принц, Седьмой принц! — внезапно этот человек остановился перед камерой Цзин Юня и тихо позвал.

Цзин Юнь равнодушно поднял глаза, и, увидев, что пришел Евнух Яо, не проявил ни малейшего оживления — лишь бросил мимолетный взгляд и снова опустил голову, погрузившись в собственные мысли.

— О евнух, Цзин Юнь ныне человек преступный, уходи же поскорее, пока тебя не задело, — его голос звучал отрешенно, словно он уже отрешился от вопросов жизни и смерти.

— Ваше Высочество, что вы такое говорите? Успокойтесь, с вами все будет хорошо, — Евнух Яо, видя состояние Цзин Юня, решил, что тот потерял всякую надежду, и поспешил его утешить.

Цзин Юнь горько усмехнулся, поднимая голову, и взгляд его был холоден.

— Судьба Цзин Юня коротка, мне не вынести такой милости. Раз уж ты теперь служишь при императоре, не стоит колебаться и оглядываться назад.

Голос оставался ровным и спокойным, но в нем сквозило такое прозрение, что Евнух Яо лишился дар речи.

— Ваше Высочество...

— Тебе не нужно объяснять. Я знаю, что это место способно сожрать человека без остатка, и сохранение собственной жизни здесь превыше всего.

Цзин Юнь на мгновение замолк, а затем продолжил:

— В свое время это я виноват перед вами — ушел в спешке и не позаботился о вашем будущем. То, что вы сами отыскиали путь к выживанию, вполне понятно. Я лишь хочу предостеречь тебя: служа при императоре, будь предельно осторожен.

Евнух Яо залился горькими слезами, слова застряли у него в горле, не находя выхода.

Помолчав долгое время, евнух поднял рукав, утирая слезы с лица, и заговорил вновь, захлебываясь рыданиями:

— Ваше Высочество, император вовсе не так неразумен, как вы думаете! Все, что он делает —

ради вашего же блага, он...

Цзин Юнь покачал головой, жестом останавливая его.

— Что бы он ни замышлял, меня это больше не касается. Возвращайся-ка ты, евнух.

Тот собирался еще что-то сказать, но, в конце концов, сник, оставил еду и с дрожью в теле удалился.

Цзин Юнь отвернулся, не желая смотреть на сгорбленную фигуру уходящего евнуха, и погрузился в глубокие раздумья, скрыв лицо в тени.

— Сынок, почему ты не вырвал сорняк с корнем? Если оставить его в живых, он рано или поздно станет великим бедствием!

Раздался женский голос — с нотками старческой дребезжацы, но в словах сквозила леденящая душу злоба и выжженная в сердце ненависть.

Если присмотреться, эта женщина была густо накрашена и укутана в дорогие одежды, скрывавшие следы времени и придающие ей особую зрелую прелесть. Лицом она напоминала молодую женщину лет двадцати, заставляя невольно восхищаться тем, как искусно она сохраняла свою молодость.

Цзин Яо лениво откинулся на спинку золотого трона, прикрыв глаза. Он выглядел одновременно величественным и расслабленным, напоминая загадочного, избалованного кота. Его черные волосы живописным каскадом ниспадали на золотое дерево тронной спинки, создавая удивительно гармоничную картину.

— Зачем матушке так спешить? Я сам во всем разберусь, можете не беспокоиться.

— Десять лет назад ему удалось ускользнуть, но на этот раз нельзя оплошать!

Та женщина не только отняла безраздельную любовь императора, но даже ее ребенок переродился какой-то бесстыдной лисицей, заставив покойного государя отвернуться от Яо-эра. Если не покончить с этим мальчишкой, беды не миновать.

Скривившись от раздражения, Цзин Яо нетерпеливо взмахнул рукой, давая понять, что больше не намерен продолжать этот разговор. Вдовствующей императрице ничего не оставалось, как, взмахнув рукавом, удалиться.

Лишь когда она скрылась из виду, Цзин Яо выпрямился, и лицо его вновь стало строгим и сосредоточенным.

У двери послышался стук. Глаза Цзин Яо сверкнули, и он снова откинулся назад, принимая прежнюю вальяжную позу.

— Как прошло дело?

Вошедший Евнух Яо низко опустил голову, не смея глядеть на восседающего на возвышении государя, и почтительно доложил:

— Этот раб пытался уговорить Седьмого принца, но...

Не дослушав до конца, Цзин Яо уже всё понял: с упрямым характером Юнь-эра тот наверняка отказался идти на компромисс.

Тяжело вздохнув, Цзин Яо приподнялся с сиденья и знаком велел Евнуху Яо приблизиться.

Евнух поспешно шагнул вперед, однако до конца постичь замыслы императора не мог.

— Евнух Яо, сколько уже лет ты при Моем дворе?

— Отвечая Вашему Величеству — ровно десять лет.

— Десять лет... Как же долго тянется это время...

— Ничтожные слуги ни на мгновение не забывали о великой милости государя, однако...

— Я спас вас тогда из рук вдовствующей императрицы вовсе не ради вашей благодарности. Ты понимаешь это?

— Раб понимает: всё было ради Вашего Высочества. Ваше Величество не могли стерпеть, чтобы Ваше Высочество Юнь-эр страдал.

— Раз даже ты это понимаешь, почему же он упрямо не желает ничего понять?..

В этих словах слышалась то ли горькая обида, то ли бесконечная тоска, оставляющие после себя долгий шлейф тяжелых раздумий.

— Ладно, довольно. Приглядывай за ним и смотри, чтобы матушка не смела причинить ему ни

малейшего вреда!

— Слушаюсь.

Глубокие покои императорского дворца — место, где людей пожирают без костей и остатка. Если бы не хитроумный план самого императора в прошлое время, смог бы Юнь-эр вырваться из когтей вдовствующей императрицы, что носила тогда титул императрицы-супруги? Вот только то давнее потрясение легло трещиной между двумя братьями, которую уже ничем не залатать.

Находящийся внутри заблуждается, со стороны же все отчетливо видно. Когда же рассеется эта путаница между ними двумя, и настанет ли хоть когда-нибудь конец этому кошмару?

<http://bllate.org/book/21156/2144394>